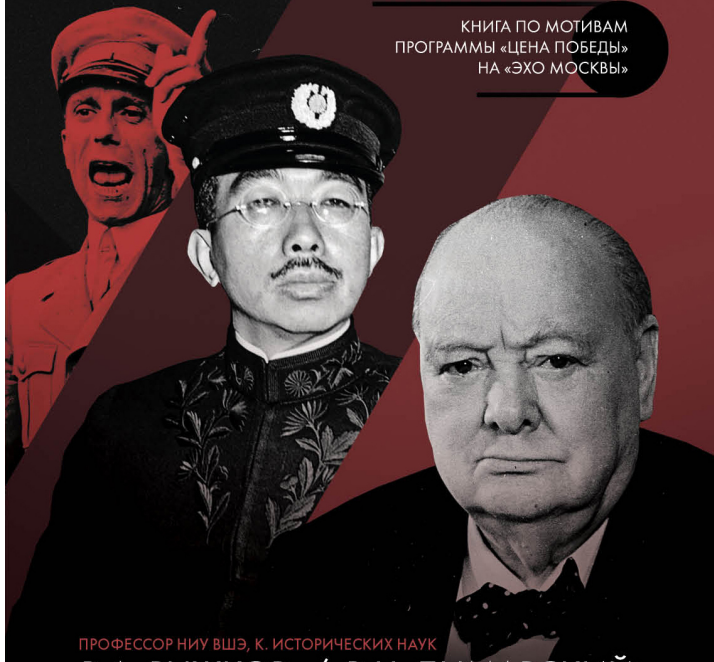

ДИЛЕТАНТ

КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЛИЦА ВОЙНЫ

КНИГА ПО МОТИВАМ
ПРОГРАММЫ «ЦЕНА ПОБЕДЫ»
НА «ЭХО МОСКВЫ»

ПРОФЕССОР НИУ ВШЭ, К. ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

В.А. РЫЖКОВ / В.Н. ДЫМАРСКИЙ

ГЛАВ. РЕД. ЖУРНАЛА «ДИЛЕТАНТ»

Владимир Александрович Рыжков
Виталий Наумович Дымарский
Лица войны
Серия «Дилетант»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34118026

*Лица войны / Виталий Дымарский, Владимир Рыжков: «Э»; Москва;
2018*

ISBN 978-5-04-093129-3

Аннотация

Победа в Великой Отечественной войне – одно из немногих событий, которое объединяет в нашей стране людей самых разных убеждений. Несмотря на десятилетия, прошедшие с этой даты, картина военных лет продолжает дополняться новыми подробностями, многие из которых существенно дополняют уже известные факты и позволяют увидеть их под новым углом зрения. Среди персонажей книги – Уинстон Черчилль, император Хирохито, Конрад Аденауэр, Менахем Бегин, Геббельс, Чан Кайши, Александра Коллонтай и другие.

Книга составлена по материалам передач радиостанции «Эхо Москвы».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Авторское предисловие	6
1. Нацистская верхушка: в последний путь. Геринг и Гесс	11
2. Японский император Хирохито	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виталий Дымарский, Владимир Рыжков Лица войны

ВИЛЕТАНТ

КНИЖНАЯ СЕРИЯ

Координатор проекта *Любовь Комарова*

Книга составлена по материалам передач радиостанции

«Эхо Москвы»

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© TopFoto / Fotodom.ru; © Анна Шевелева / Фото ИТАР-ТАСС; © Максим Блинов, Илья Питалев / РИА Новости

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
© Bridgemanimages / FOTODOM; © TopFoto.co.uk / FOTODOM; © PA Photos / TopFoto.co.uk / FOTODOM;
© Анатолий Егоров, Василий Малышев, ТАНЮГ / РИА Новости; © Архив РИА Новости; © AP Photo / EAST NEWS;
© Carroll / AP Photo/ EAST NEWS; © Laski Diffusion / EAST

NEWS; © akg-images / EAST NEWS; © Austrian National Library / INTERFOTO / Legion-Media; © dpa / picture-alliance / Legion-Media; © Gamma-Keystone via Getty Images / Gettyimages.ru; © Granger / Diomedia

Авторское предисловие

«Война будет повторяться до тех пор, пока вопрос о ней будет решаться не теми, кто умирает на полях сражений», – писал Анри Барбюс. И ошибался. Вторую мировую войну развязали как раз те, кто сам прошел окопы и фронты Первой мировой. Немецкий ефрейтор Адольф Гитлер, немецкий летчик-ас обер-лейтенант Герман Геринг и многие другие обожженные войной немецкие ветераны, составившие основной костяк реваншистской нацистской партии. Именно они бросили Германию в новую драку. С противоположной стороны им неотступно противостоял другой прославленный ветеран Первой мировой – британец Уинстон Черчилль. Он страстно вдохновлял англичан на беспримерную стойкость в той, второй, войне: «Никогда не сдавайтесь, никогда, никогда, никогда, ни в большом, ни в малом, ни в крупном, ни в мелком, никогда не сдавайтесь, если это не противоречит чести и здравому смыслу. Никогда не поддавайтесь силе, никогда не поддавайтесь очевидно превосходящей мощи вашего противника». Ближе всех к истине оказался, пожалуй, другой пилот-фронтовик – француз Антуан де Сент-Экзюпери, сказавший о войне: «Война – не приключение. Война – болезнь. Как тиф». Именно так. Болезнь, напасть, разрушение, мор, помрачение ума, безумный отказ от самых оснований основ человеческой жизни. И только жи-

вущая и живая память о войне как о катастрофической болезни человечества является надежной прививкой от ее повторения, от возвращения болезни войны, от рецидива кровавого «тифа» Экзюпери.

Автор «Маленького принца» бесследно сгинул в водах Средиземного моря, не вернувшись из своего последнего полета в июле 1944 года. А прививка от тифа войны с той поры действует на людей все хуже. Практически ушло военное поколение, а новые поколения плохо помнят и еще хуже понимают античеловеческую сущность войны. В том числе и у нас в России. Поднялось вдруг отовсюду чванство, великодержавная фанаберия, широко разлились ненависть и презрение к другим народам, бахвальство и безответственность, со всех концов слышно бряцание оружием, суетливые поиски внешних и внутренних врагов, даже громкие выкриквания «реванша». Мы, потерявшие в той войне больше всех своих людей (27 миллионов), пишем теперь на своих машинах: «Можем повторить!». Повторить что? А главное – зачем? Ответа нет.

Программа «Цена Победы», которая еженедельно выходит на радио «Эхо Москвы» с 2005 года, учит людей не забывать ту войну. Помнить о ее страшной цене. О неприемлемой цене любой войны. Мы могли бы сказать от себя обратное: «Можем и должны не повторить!»

Нам в нашей работе интересно и важно сохранять живую память о той Войне. О мелких, но важных деталях, о малых

странах, о выигранных и проигранных сражениях, забытых деятелях, отдаленных уголках, повседневной жизни, о табуированных страницах множественных национальных памятней. Мы благодарны участникам той войны, пришедшим в нашу студию и описавшим свой личный опыт войны и жизни в войне. Мы рассказываем непричесанную и неофициальную историю Второй мировой и думаем, что только такая история является подлинной и живой.

Пару лет назад мы затеяли в рамках цикла «Цена Победы» большой внутренний подцикл «Лица войны». Оказалось, что существует множество выдающихся деятелей Второй мировой войны с обеих сторон фронтов, имя которых знакомо всем – но только имя! Все остальное, связанное с ними, удручающе мало известно широкой публике или же неизвестно ей вовсе. Кто они, что они, откуда, как и почему? Каковы были их устремления, какова была их роль в великой Войне – и как они пришли к этой роли? Почему оказались столь важны для истории их личные убеждения и даже свойства характера? Так мы составили длинный список людей Войны и принялись рассказывать о каждом из них. Мао Цзедун и Чай Кайши, маршалы Петен и Монтгомери, Геббельс и Маннергейм, даже НКВД и арабы в годы Второй мировой – и многие другие. Мы очень благодарны историкам – экспертам программы, которые пришли в студию и помогли нам написать 23 исторических портрета, собранных в этой книге. В книгу вошли далеко не все наши персонажи, да и

рассказали в эфире еще далеко не о всех. Эта работа продолжается.

Каждая глава книги – это не диссертация, не научный труд, не систематическое изложение биографий и судеб. Это невозможно в рамках одной книги, у которой к тому же так много героев, да и толстые биографии большинства из них давно написаны. Каждый может найти их в библиотеке и прочесть. Наша задача совсем другая – дать живые, краткие, заостренные портреты наших героев (в т. ч. «героев» в кавычках, зловещих антигероев той Войны). Мы смотрим на них современным взглядом, отчасти как на наших современников. Мы стараемся прежде всего понять – что они и их судьбы говорят нам сегодняшним, какие уроки мы можем извлечь из их жизни? Главный урок, который нам предстоит усвоить – как и почему они пришли к той Войне, как они смогли вообще помыслить и допустить ее. И как мы в наше время должны действовать и мыслить, чтобы не повторить их фатальных ошибок?

Каждая история в этой книге – сжатый и бескомпромиссный исторический эскиз, в котором выделено самое главное в каждом нашем герое. Главное в его личности, главные его поступки, главное в итоговой оценке его исторической роли. Мы рассказываем, как и почему именно этот человек, народ, организация оставили яркий след в истории Второй мировой, что они значили для своего времени, для их современников. Мы рассказываем малоизвестные страницы истории

Войны, показывая ее с неожиданной стороны, давая истории войны новое измерение, новую перспективу.

Повторимся: живая и правдивая память о войне, целям которой служит и эта книга, – лучшая прививка от повторения войн.

Закончим свое вступительное слово цитатой из еще одного великого фронтовика, лично прошедшего страшную войну и видевшего на ней все. Это слова Льва Толстого: «Для меня безумие, преступность войны, особенно в последнее время, когда я писал и потому много думал о войне, так ясны, что кроме этого безумия и преступности ничего не могу в ней видеть».

Виталий Дымарский, Владимир Рыжков
Февраль 2018 года, Москва

1. Нацистская верхушка: в последний путь. Геринг и Гесс

Гость: **Елена Съянова**, *писатель историк*

72 года назад, 15 октября 1946 года, приведены в исполнение смертные приговоры, которые были вынесены на Нюрнбергском процессе. Стоит ли говорить об этом сегодня? Наверное, было бы интересно узнать, как вела себя нацистская верхушка в эти последние дни? Как проходил Нюрнбергский процесс над бывшими руководителями фашистской Германии?

Ведь немцы потерпели две катастрофы в своей жизни. Первая катастрофа у них была в 1918 году – поражение Германии в Первую мировую войну. Затем они надеялись, что взяли реванш, но вот вторая катастрофа. В самые последние дни и месяцы Нюрнбергского процесса тот же Геринг и другие чиновники осознавали, что это двойная катастрофа, двойная неудача всей жизни и их страны.

Все лидеры нацистской верхушки были очень разные. Ес-

ли говорить о каждом из них в отдельности, будь то Геринг, Франк, Шпеер и др., – у каждого из них своя история.

Нюрнбергский процесс представлял собой своего рода подведение итогов Второй мировой войны. Решение о процессе было принято в Ялте во время конференции. В процессе принимали участие четыре стороны, в первую очередь так называемые оккупирующие стороны. Велся процесс на четырех языках (русский, английский, французский и немецкий), было 403 открытых заседания.

Процесс длился почти год. Все заседания были заprotoлированы, отсняты, переведены. Немецкие адвокаты в первую часть процесса вели себя просто вызывающе, было много какой-то суеты, шуток, препианий. Они были уверены, что их подсудимые смогут избежать наказания. И точно так же чувствовали себя подсудимые. Герман Геринг шел на процесс самоуверенно. Бывший глава такого сильного правительства, который вел такую мощную политику, считал, что без него вообще не может быть мировой цивилизации.

Многие вели себя легкомысленно. На первый взгляд создавалось впечатление, что нацисты не осознавали серьезность всего происходящего. Однако после того, как показали фильм о концлагерях, настроение их резко переменялось, потому что они поняли, что именно им вменяют в вину.

Но подсудимые были уверены, что, по крайней мере, их не ждет фатальный конец, что они сумеют еще себя показать. Так было до предъявления обвинения. Как только его

огласили, началась истерика, и все произносили один и тот же текст: «Ну при чем тут я? Ну кто докажет, что я виновен в утоплении каких-то военнопленных, или кто вообще мне докажет, что вот этих женщин, там в таком-то селе... при чем тут я?»

Ознакомившись с текстом обвинения повнимательнее, многие стали кое-что припоминать: собственные приказы, публикации, директивы. И тут настроение переменялось кардинально. Первой жертвой перемен этого настроения был Роберт Лей, который понял, что исходом станет петля или расстрел. А если это будет какое-то заключение, то после него он сойдет с нацистского олимпа даже не в преисподнюю, а в грязь и пыль.

Многие вели себя легкомысленно. На первый взгляд создавалось впечатление, что нацисты не осознавали серьезность всего происходящего.

Приговоренные, конечно, очень боялись своего низвержения с олимпа. Они не представляли, как, проведя на вершине социальной лестницы столько времени, жить среди этой серости, ничтожества, этих мелких людишек с их возней. Для бывшей нацистской верхушки осознание своего бедственного положения было крайне унижительным. Причем это унижение граничило с осознанием своей ничтожности. И это невозможно перенести.

Однако подсудимые испытывали стыд не за совершенное ими – причиной стыда была ситуация, в которой они оказа-

лись, снижение социального статуса, крушение карьеры.

Процесс был открытый для прессы. Журналисты были аккредитованные там с самого начала. Речи обвинителей печатались в американских, английских и французских газетах.

Подсудимые пытались донести до всех, что никакого преступления против человечности не было и нет. Что все обвинения – это полный абсурд. И почему они должны отдуваться? И главная мысль была такая, что они не должны, не обязаны отвечать за своих подчиненных.

С Рудольфом Гессом была интересная история. Сначала он разыгрывал амнезию, у него был один адвокат, который фактически его вел чуть ли не на оправдательный приговор. Но в какой-то момент Гесс вдруг сказал, что все вспомнил, что больше не будет ломать комедию, разыгрывать невменяемость, что он будет вести себя так, как считает нужным. У него появился другой адвокат, самый агрессивный, пронизательный и самый продуктивный – Ганнс Зайдель. Довольно известной фигурой потом станет. И Зайдель великолепно его защищал. Если посмотреть запись, когда он произнес речь в защиту Гесса – весь зал ему аплодировал. Потом русские, французы, англичане говорили, что они аплодировали искусству адвоката, а отнюдь не личности Гесса.

Привлекая адвокатов, кто-то реально верил в объективность суда, кто-то предполагал, что все уже давно договорено, но все-таки каждый пытался бороться по-своему. Отрекались, защищали, объясняли... В основном хотели показать

себя, и как они относились к фигуре Гитлера.

В отношении к Гитлеру, пожалуй, только Альберт Шпеер его предал. На суде он давал такие показания, что якобы он пытался чуть ли не отравить Гитлера каким-то газом в бункере.

Гесс открыто заявил: «Я столько-то лет работал под руководством величайшего человека в мире, и я ни о чем не жалею».

Геринг занимался в основном собственной персоной. Но когда его спрашивали о Гитлере, он пенял в основном на то, что Гитлер последние годы плохо доверял профессионалам-военным, и в этом его большая ошибка. Он говорил об ошибках, но не о вине, не о преступлениях. В то же время он и не говорил, как Гесс, что он работал под началом великого человека.

Нацистская верхушка практически с самого начала объявила Шпеера предателем. В пересыльном лагере подсудимые чувствовали себя единой командой, там они сплотились и проявили очень жесткий протест. Лидера среди них не было, хотя им очень хотел быть Геринг, но его недолюбливали.

Были такие смутьяны, которые все время пытались сжать эту команду, заявить как можно больше протеста, не подчинялись. Единственный, кто подчинялся всем командам, это Шпеер.

Когда подсудимые попали в тюрьму, их тут же разделили, развели по камерам. В первое время их выводили на прогул-

ку вместе, именно тут они договорились о бойкоте Шпееру, причем путем голосования. Бойкот предложил Геринг. Как по римской традиции, кидали камешки – кто за, кто против. Оказалась целая горка камней – все были за. И начальник тюрьмы, когда понял, что это голосование, в мемуарах потом писал: «Голосуют, сволочи, они же еще умудряются как-то между собой вести какие-то переговоры...»

В пересыльном лагере подсудимые чувствовали себя единой командой, там они сплотились и проявили очень жесткий протест. Лидера среди них не было, хотя им очень хотел быть Геринг.

В течение процесса подсудимым давали несколько свидетельств. Кому-то они разрешались, кому-то нет. Очень профессионально работала защита. Было выслушано много свидетельских показаний – 38 тысяч письменных показаний и за, и против этих персоналий и преступных организаций. На процессе были заслушаны 33 свидетеля против обвиняемых и 61 свидетель защиты.

До конца следствия между многими подсудимыми сохранялись теплые дружественные отношения. Например, Лей и Ширах до самой смерти Лея пытались изо всех сил друг другу помогать. Немного пытались поддержать Франка, потому что не производил он на своих коллег впечатления какого-то страшного палача Польши. То ли они не все знали, то ли делали вид.

Был такой эпизод, когда Гессу объявили приговор и он

осознал, что ему дали пожизненное, он начал раскачиваться в каком-то психическом коллапсе, словно сейчас упадет. И Риббентроп, сидевший рядом, положил на него свою руку.

Когда вынесли смертный приговор, реакции у всех были неоднозначные. Геринг вскипел, весь как-то надулся, покраснел, побледнел, был словно вулкан, который сейчас взорвется. Но его сразу вывели.

Эрнст Кальтенбруннер совершенно ни на что не реагировал. Риббентроп был абсолютно спокойным, он вообще занимался больше своими коллегами, чем собой.

Геринг и Гесс на скамье подсудимых в Нюрнберге

Артур Зейсс-Инкварт и Ганс Франк были ко всему готовы, они сразу знали, что их ждет. Вильгельм Кейтель, наверное, тоже понимал, что ничего, кроме смерти, его не ждет. Как во время процесса, так и во время вынесения приговора он стоял вытянувшись, руки по швам. Юлиус Штрейхер, когда его вывели, начал орать и петь.

Адвокаты практически за всех писали трибуналу прошения о помиловании. В основном без согласия своих подзащитных. Только Редер просил заменить ему пожизненное на расстрел. Было отказано. И Геринг тоже просил заменить петлю на расстрел. Тоже было отказано.

Приговор начали зачитывать 30 сентября, а 1 октября уже закончился трибунал, все зачитали. Буквально 2 октября всем уже сообщили, что все ходатайства отклонены. Их даже никто не рассматривал.

Через 2 недели приговоры привели в исполнение.

За эти 2 недели ожидания подсудимым были разрешены свидания. Одно свидание с одним ближайшим родственником. Им разрешалось написать письма, завещания, какие-то распоряжения – через своих адвокатов они все это могли передать. Геринг, например, попросил свидания с дочерью Эддой, но ему объяснили, что если его жена Эмма согласится – тогда девочку приведут под охраной. Жена, конечно, дочку без себя не отпустила, она очень возмущалась, что нельзя дать свидание им двоим.

Геринг уже практически под приговором все равно воз-

мущался, негодовал – не верил он до конца, что с ним, Герингом, рейхсмаршалом, поступят так – «Как какую-то свинью в петлю кинут с каким-то мешком черным на голове – да такого быть не может!» Он все время просил заменить повешение расстрелом. Когда в очередной раз ему очень грубо отказали, он проглотил ампулу с ядом. Скорее всего жена Геринга Эмма пронесла мужу яд и передала его на свидании.

Как свидетельствуют секретарши из рейхсканцелярии, Гитлер раздал ампулы с цианистым калием своим самым близким и их женам. Но у Геринга ее отобрали, поскольку их тщательно осматривали. Поэтому капсула осталась только у Эммы Геринг, и, вероятно, она все-таки ему ее передала.

Как писал потом охранник в отчете: «Я внезапно услышал хрипы, как будто резали большую свинью. Не входя, я позвал начальника тюрьмы, как было положено. Мы вошли – Геринг был, конечно, уже мертв. Налицо были все свидетельства отравления цианистым калием, то есть он лежал розовый и красивый».

Как свидетельствуют секретарши из рейхсканцелярии, Гитлер раздал ампулы с цианистым калием своим самым близким и их женам.

Последние две недели подсудимые вели себя тихо, спокойно – сидели, в основном писали. Потом кто-то из родственников Кейтеля в воспоминаниях написал, что его дядя за всю жизнь не написал столько гражданского текста, как в это время перед казнью.

Международный военный трибунал к смертной казни через повешение приговорил: Германа Геринга, Мартина Бормана, Эрнста Кальтенбруннера, Иоахима фон Риббентропа, Вильгельма Кейтеля, Альфреда Розенберга, Ганса Франка, Вильгельма Фрика, Юлиуса Штрейхера, Фрица Заукеля, Артура Зейсс-Инкварта, Альфреда Йодля.

Казнь проходила в Нюрнберге в гимнастическом зале. Поставили 10 виселиц, вернее, 11, последняя предназначалась Герингу. Это были скорее даже не виселицы, а кабинки. Несколько ступеней вели к ним, стоял небольшой четырехугольный помост, люк, для каждого свой, сама виселица, крючок, петля. Подсудимого заводили на этот люк. После того, когда петля была закреплена, люк открывался, и человек проваливался туда. Но все это было закрыто с трех сторон деревянными панелями, а с одной стороны завешено одеялом, чтобы их не было видно.

Кейтель стоял руки по швам. Риббентроп вообще был в полной отключке. Кальтенбруннер ухватился руками за эту петлю и так и не выпустил ее. Штрейхер даже в мешке продолжал что-то выкрикивать, какие-то антисемитские страсти. Франк попросил пастора, присутствующего на казни прочесть молитву два раза.

Самым последним казнили Зейсс-Инкварта, бывшего министра внутренних дел Австрии. Он не знал, какой он по счету, и задал такой вопрос: «А кто пойдет после меня?» Ему ответили: «Многие еще пойдут». И тут он понял, что он

последний и что трибуналы будут продолжаться. Он уныло кивнул.

Геринга тоже принесли и положили под виселицу.

Казненных сфотографировали в одежде и без нее, завернули в одеяла и погрузили тела в грузовики, едущие в мюнхенский крематорий. Там тела сожгли, для конспирации объявили их трупами американских солдат, пепел смешали, и охранник аккуратно высыпал его из ящика в воду с моста над Изаром.

Позже среди жителей Германии был проведен опрос, который выяснил, что 80 % полностью одобряют казнь.

2. Японский император Хирохито

Гость: **Александр Мещеряков**, *историк*

Император Хирохито многим известен как герой фильма Александра Сокурова «Солнце». Это один из фильмов его трилогии о Гитлере, Ленине и Хирохито.

Император Японии довоенного, военного и послевоенного периода, который почти весь XX век императорствовал в японской столице Токио – очень загадочная личность.

Что такое император в Японии? Можно ли его сравнить с английской королевой, которая правит, но не управляет?

Если говорить более серьезно, то японские императоры и в настоящее время, и в XIX – XX веках практически ничего не решали. По японской Конституции, первой конституции в Азии, которая была принята во второй половине XIX века, японский император является полноправным монархом и верховным главнокомандующим. Но в подзаконных актах прописано, что подпись императора или его печать (японцы обычно все-таки предпочитают ставить на свои документы

печать) действительно только при визе премьер-министра.

Хирохито почти весь XX век провел на троне. Он был императором при жестком тоталитарном режиме в 1930-е годы, он правил во время Второй мировой войны, когда Япония была открытым агрессором. После войны он стал знаменем демократии.

И это действительно удивительно для всех, кроме японцев, потому что они привыкли: император – это икона. Совершенно не имеет никакого значения, кто сидит на этом троне. Важен трон, место и аура, которая сопровождает и окутывает этот трон, а совершенно не человек.

Японские императоры и в настоящее время, и в XIX – XX веках практически ничего не решали.

Когда в Японии был подъем коммунистического и социалистического движения, то нашлись такие люди, которые говорили: «Хирохито – преступник, его нужно судить и посадить». Открыто совершенно говорили. И империю как устройство страны хотели упразднить. Но все-таки победила другая тенденция, и нынешний японский император Акихито действительно похож на британскую королеву. Он просто открывает парламент и закрывает парламент, но он живет в своем дворце. Японцам без императора жить не хочется. Допустим, их император ничего не решает, но императорская династия существует с V или VI века – она непрерываема. Разве это правильно – упразднять что-то, что существует столько времени?

Во второй половине XIX века Япония считалась отставшей страной. До этого времени, два с половиной века назад, Япония – изолированная страна, которая открылась под давлением Соединенных Штатов, России, Англии и Франции для торговли. Они открыли порты, но прежде всего отстали в военном отношении.

Вся Азия, как известно, стала в результате европейской колонией. Только Япония не стала. Китай формально не был колонией, но он был поделен между великими державами, находился фактически на колониальном или полуколониальном положении. О Японии такого не скажешь.

Японцы решились на модернизацию, целью которой было стать великой державой. Прежде всего независимой державой, которая обладает колониями. Для того, чтобы сохранить свою независимость и приобрести эти колониальные владения, военная функция государства стала усиливаться.

Во время Первой мировой войны японцы начали думать, за кого они будут воевать. В итоге появились две партии: одна была на стороне Германии, а другая – на стороне Англии и Антанты. Война за тысячи километров. Она вообще никак не затрагивала интересы Японии. Однако настолько был велик этот воинский дух, что всем нужно показать, что Япония – держава. Колебания были недолгие, Япония заключила договор с Великобританией и выступила на стороне Антанты.

Дальше при Хирохито Япония начинает играть самостоятельную роль. Образовался Тройственный союз с Германией

и Италией, но на самом деле во время войны ни Япония не помогала Германии, ни Германия не помогала Японии. Они вели две совершенно разные войны и в разных местах. Были холодные головы, которые говорили: «Япония эту войну проиграет, не имеет шансов выиграть». Но воинский дух был настолько велик, что люди хотели воевать во что бы то ни стало, даже если погибнут.

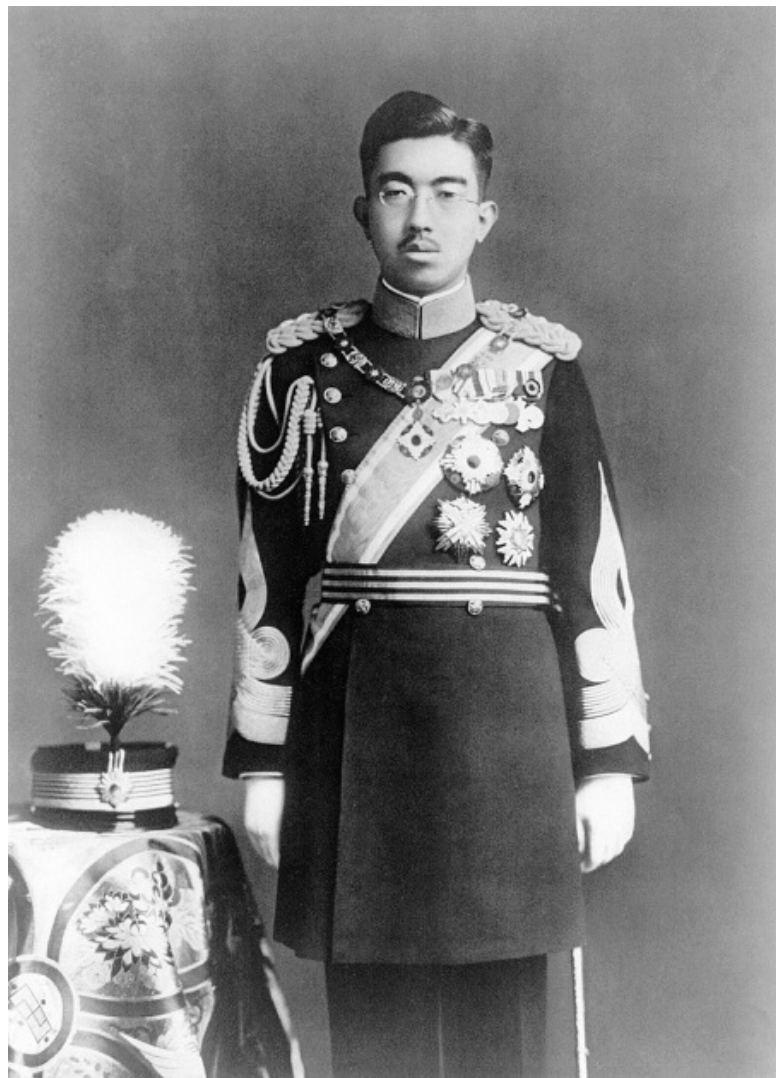
О заключении Мюнхенских соглашений японцы узнали из радиопередач. Они не были информированы о том, что Германия заключает союз с СССР – пакт Молотова – Риббентропа. Точно так же японцы не проинформировали Германию, что они идут на соглашение со Сталиным, с СССР. Это как раз подтверждает то, что велись разные войны, и доверия на самом деле не было. У Японии не было интереса в Европе.

Тогда в стране существовало две партии. Партия за войну с СССР – это сухопутная армия. В Японии не было единой военной организации – флот и сухопутная армия были разведены, что, конечно, очень сильно сказалось на ходе войны.

На границе с Монголией вышел прокол. Японские сухопутные вооружения, в отличие от войны русско-японской 1904–1905 годов, были очень плохи, не было никакой подготовки. Достаточно сказать, что у Японии фактически не было танков, не было бронемашин, у них не было автоматического оружия. Самолеты были устаревшие.

Что касается флота, то флот был более передовым. Так

очень часто бывает и в других армиях мира, флотские – это белая косточка. Они были если не более разумные в стратегическом плане, то в плане тактическом, безусловно, более подготовленные люди. Япония имела третий по численности военно-морской флот в мире вслед за Великобританией и США и была одной из трех стран в мире, которая имела авианосцы. Япония имела лучший в мире на начало войны истребитель палубного базирования, что в Европе называется Zero. В этом отношении они были более или менее подготовленными.

Император Хирохито в годы войны

И вот Германия напала на СССР, не предупредив Японию, и тогда встал перед ними выбор: на чьей стороне воевать? В июле 1941 года японцы приняли решение: «Воевать будем, но не против СССР, а пойдем на юг».

В Японии не было единой военной организации – флот и сухопутная армия были разведены, что, конечно, очень сильно сказалось на ходе войны.

Разрыв с Западом произошел по большому счету на Версальской конференции и несколько позже нее. Великобритания сама не захотела продлевать договор о дружбе, посчитав, что тот потенциал, который был в этом договоре, исчерпан.

При образовании Лиги Наций японцы поставили вопрос о расовом равенстве, что в уставе Лиги Наций этот принцип должен быть закреплён. Здесь они получили полный афронт и от Соединенных Штатов, и от Великобритании. Стало нарастать чувство, что Япония все-таки стала великой державой. Даже в культурном отношении очень многие вещи были сделаны на европейский лад, японцы считали, что они являются полноправными партнерами Запада.

Однако японцев все равно за серьезных людей не держали, над ними совершенно открыто издевались. И это стало подталкивать их все больше к гордому одиночеству. Тот комплекс, который воспитывали европейцы, американцы в японцах, он стал перерастать в комплекс гиперпревосход-

ства – «Мы, японцы, лучше всех, мы всем вам покажем».

В какой степени в 1920–1930-е годы, когда мир шел к войне, сам Хирохито интересовался мировой политикой и развитием своей страны? И что же мы знаем о жизни императора Хирохито в предвоенные, военные годы? И вообще, есть у нас источники о жизни императора, о его решениях, выступлениях?

Сейчас идет работа по составлению предварительных материалов, для того чтобы написать хронику правления Хирохито. Существует протокольный отдел. Это данные и воспоминания близких лиц. Более или менее хорошо с императором было знакомо крайне ограниченное количество лиц, имеется шанс получить их воспоминания.

В японском случае не работает такой мощный исторический источник, как письма. Император Мэйдзи не писал писем, император Хирохито не писал писем, сочинений и дневников у них нет. У них есть только стихи. Но японские стихи, они настолько абстрактны, что не дают возможность реконструировать какую-нибудь фактуру историческую. Тяжелый объект для историков.

Когда человек ничего не делает, когда он ничего не пишет, очень мало говорит, ты имеешь возможность в этот сосуд налить все что угодно. Если у тебя остается переписка, дневники, виден человеческий характер, видно его благородство или подлость, это легко становится предметом для критики, размышлений и т. д. Когда ты имеешь вот такую икону, то в

зависимости от потребностей времени на эту бумагу нанесут все что угодно. И с точки зрения такой политической прагматики это вообще очень умный ход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.